

А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших. Новый Завет – от Матфея Святое благовествование. Глава 6 – 15.

Директор центрального универсального магазина Пётр Иванович Расторгуев был самым уважаемым человеком в одном из южных городов. На день рождения к нему, в первый день июня, обычно съезжались все власть имущие города: местные чиновники, директора крупных предприятий, друзья из прокуратуры и милиции и прочие нужные люди.

На пятидесятилетие Петра Ивановича гостей собралось как никогда много. Стол ломился от всевозможных яств и редкостных вин. В честь юбиляра произносились нескончаемые помпезные тосты. Почём зря, а заодно вроде бы как и на счастье, билась дорогая импортная посуда. Пётр Иванович был счастлив – пел, танцевал, шутил с женщинами и зарю хотел встретить на лоне природы. Но к полуночи от изрядно выпитого ему вдруг стало не по себе. А ещё через час, от переизбытка чувств, тягуче защемило в левом боку. Присутствовавший на торжестве школьный товарищ и по совместительству лечащий врач семьи Геннадий Борисович Добрынин под руку увёл тучного юбиляра в спальню, уложил в постель, распахнул настежь окно и дал успокоительное лекарство.

С трудом распрощавшись с назойливыми гостями, в спальню вскоре приплыла, как гусыня, пышнотелая хозяйка.

Геннадий Борисович снабдил её лекарствами и соответствующими указаниями и заспешил домой, в свою маленькую, холостяцкую квартирку. Только в её тиши, среди скромной обстановки, чувствовал он себя хорошо. Но в ту ночь даже здесь ему было не по себе – мучили нехорошие предчувствия. Задремал он только под утро и тут же услышал, сквозь сон, нетерпеливые звонки в дверь.

– Ах ты же Боже мой!.. Кто там ещё в такую рань?.. – Пробурчал спросонья Геннадий Борисович и мысленно выругал себя за то, что не взял у Петра Ивановича в счёт медицинских услуг новый музыкальный звонок.

Мельком взглянул он в глазок и без тени сомнения открыл дверь. В комнату тотчас шагнул, без спроса, баскетбольного роста здоровяк, знаменитый прокурор Альберт Никитович Аристов. Это он накрыл группу «растленных интеллигентов», увлекавшихся нетрадиционной и запрещённой в то время однополый любовью. Он же со своими людьми прихватил ворюгу-следователя, обчищавшего провинциальные магазины и без зазрения совести списывавшего свои преступные деяния на ни в чём не повинных людей. А другие его, более мелкие заслуги, было и вовсе трудно перечислить.

Следом за прокурором вошли ещё двое. Такие же рослые и широкоплечие, как и он сам. Они с грохотом захлопнули дверь и, как вкопанные, остановились охранять её.

Сам же Альберт Никитович, сутулясь, прошаркал в мокрой и грязной обуви через всю комнату и грузно рухнул на старенький, шаткий диванчик, одиноко примостившийся у единственного окна.

– Присаживайся и ты! – приказал он хозяину. – Разговорчик есть.

Геннадий Борисович послушно сел рядом, принимая всё происходящее за шутку.

– А разговор у нас будет коротким, – без предисловий начал Аристов. – Либо ты возвратишь ценности Петра Ивановича, либо надолго сядешь за решётку!

– Альберт, хватит валять дурака, говори, на что жалуешься?

– Думаю, в этот раз жаловаться на своё здоровье будешь ты, если не скажешь, где золотишко!

– Какое золотишко?

– Которое взял у Петра Ивановича, пользуясь его беспомощным состоянием.

– Ничего я не брал!

– А отпечатки твоих пальцев на сейфе откуда? – Брал на испуг прокурор.

– Положил туда бумажник Петра Ивановича. Он сам ключ давал.

– А на окне?

– Открывал, чтобы проветрить.

– Следы под окном?

– Уронил очки, ходил забирать.

– Та-а-к... Всё сходится. Снятые отпечатки и следы, значит, будут твои. Вещественные доказательства тоже есть.

– Какие ещё доказательства?

– Битое стекло от очков. Кстати, вот и они, – забрал прокурор с журнального столика повреждённую оправу и завернул в носовой платок.

– Да ты, что?.. Всерьёз? – подскочил с места Добрынин, сообразив, наконец, что это уже не шутка.

– А как же иначе, коль речь идёт о таких деньжищах! – Воскликнул прокурор и кивком головы приказал подчинённым увести Добрынина.

2

– Никитович, оперативники на нашем вокзале Хромого накрыли! – День спустя, скороговоркой, прямо с порога кабинета докладывал прокурору щупленький и неказистый с виду, но смекалистый и вездесущий следователь Барышников.

– Ну, и что?

– Вразумили хорошенько, он и выдал «малину» Медведя.

– Медведь в городе?!

– Да. И золотишко Петра Ивановича при нём.

– Немедленно арестуй его!

– Это можно! Лишняя слава нам не помешает! – С радостью стал потирать руки Барышников.

– На этот раз обойдёмся без славы. Ты что, забыл?.. Мы же ищем без заявления – под хорошие проценты!

– А вдруг Медведь взбунтуется?

– Не взбунтуется. Длительный срок ему ни к чему.

– А с докторишкой как быть?

– Отпусти на все четыре.

– Вряд ли он сам уйдёт – кровью харкает.

– Уйдёт. В камере ещё никто добровольно не оставался.

– Никитыч, Вы в Бога верите? – Смущаясь, спросил Барышников, глядя на прокурора снизу вверх.

– Нет.

– Тогда Вас, пожалуй, моя новость не напугает.

– К чёрту! Какая ещё новость?

– Брат доктора – священник. Он наложил на Вас анафему.

– Что сделал?

– Проклял Вас и Ваше потомство на двенадцать поколений вперёд.

– Ерунда!..

3

Прошло три года. В лучшей палате онкологического отделения областной больницы от непонятной болезни медленно и мучительно умирал в раскаянии за ранее содеянные грехи Альберт Никитович Аристов.

Помня о былой заносчивости прокурора, с ним мало кто разговаривал. Только седовласая, сухонькая старушка, дежурившая у постели делавшего последние вздохи мужа-ветерана, пыталась взбодрить его. Но Аристов всё отмалчивался.

– Видать, грешён ты дюже, раз так страдаешь, – твердила старушка, обижаясь на невнимание.

– Грешён, Трофимовна!.. Грешён!.. – не вытерпев, заговорил однажды Аристов. – Несколько лет назад, разыскивая украденные драгоценности, я, по ошибке, невиновного человека инвалидом сделал. И напрасно, золотишко в другом месте нашлось... Хозяин на радостях помер от инфаркта, а меня братец невинно пострадавшего проклял. С тех пор всё пошло наперекосяк. Жена вдруг, ни с того ни с сего, померла... Сын в море утонул... Зять с внучкой в автокатастрофе погибли... А дочь, не вынеся горя, попала в психушку...

– И-и-и!.. Милушка ты мой!.. Ничегошеньки-то ты не смыслишь в жизни!.. То-то нехристь!.. – сокрушённо покачала головой сердобольная старушка. – Ить от напасти энтой лекарство есть!

– Какое же? – Превозмогая боль, приподнялся на локтях Аристов.

– Молебны надобно в сорока храмах Божьих заказать во искупление твоих грехов.

– Кто же их закажет?.. Да и поможет ли?

– А хучь бы и я! – С готовностью вымолвила Трофимовна, горя желанием выполнить во имя веры нелёгкую миссию.

– Где уж тебе, рухляди такой, обойти сорок церквей!.. – Забыв на мгновение про нестерпимую боль, с прежним злорадством усмехнулся Аристов.

– Ишь ты, какой пряткий!.. – Обиделась старушка и засобиравлась домой.

– Трофимовна! погоди! – Опомнился Аристов, цепляясь за последнюю, пусть даже и призрачную, надежду сохранить жизнь. – Деньжонок я тебе дам, сколько хочешь! Завтра же позову

нотариуса!..

– Деньгами тут не откупишься, – мягко, но внушительно возразила старушка. – Покаяние искреннее и чистосердечное надобно!.. Перед Господом Богом и невинно пострадавшими! А без того и сто молебнов ни к чему!

– Давно я каюсь, Трофимовна, давно, – Без прежней самоуверенности, смиренно сказал Аристов. – Жаль только, поздно осознал я, грешный, свою вину.

– И слава Богу, что осознал. Лучше позже, чем никогда. А денег мне лишних не надо. Дай на молебны и на дорогу – в Москву поеду. Вот только похороню своего благоверного, – живо перекрестилась старушка, умиленная раскаянием Аристова.

– Боюсь, что даже в самой Москве не найдётся сорока действующих церквей, – забеспокоился Аристов.

– А я на попутных станциях сходить буду, – успокоила его Трофимовна.

– Ну, что же, с Богом!.. – Неловко, впервые в жизни, перекрестился Аристов и с надеждой проводил взглядом старушку до дверей больничной палаты.

* * *

Три месяца, дивясь красоте православных храмов, скиталась Трофимовна по городам и весям России – вносила пожертвования и заказывала молебны во спасение раскаявшегося Аристова. И тот, к великому удивлению врачей, быстро пошёл на поправку. Со временем поправилась и его дочь. Но упал на пороге своего дома разбитый параличом священник, посмевающий ради мести кощунствовать.